

Чехов-драматург

«Только что сыграли «Чайку». Успех колоссальный. С первого акта пьеса так захватила, что потом следовал целый ряд триумфов. Вызовы бесконечные... Мы сумасшедшие от счастья», — так восторженно телеграфировал Вл. И. Немирович-Данченко больному Чехову в Ялту 17 декабря 1898 года после первого представления пьесы в Московском Художественном театре.

Несколько водевилей, написанных Чеховым до этого времени и поставленных на столичных и провинциальных сценах России, тесно связаны с развитием новеллистического повествовательного творчества раннего Чехова — мастера коротких юмористических рассказов.

Со второй половины восьмидесятых годов жанр чеховских рассказов резко меняется, знаменуя наступление нового периода в творчестве писателя. С «Чайки» этот перелом начинается и в драматургии Чехова (1896).

В авторе «Чайки» общественность России находит уже зрелого и талантливого драматурга, принесшего на сцену новое содержание и новую форму. «Чайка» поставила Чехова в ряд великих корифеев, создавших русский национальный театр.

Честь открытия Чехова-драматурга принадлежит Московскому Художественному театру, содержанию которого с драматургом остается неизменным до последних дней жизни Антона Павловича.

Демократическим устремлениям нового русского театра, полного сил и творческих дерзаний, были близки по духу светлые идеи поднимающегося могучего народа — предвестники первой русской революции.

Над постановкой «Чайки» за два года до этого работал петербургский Александринский театр. Первое представление пьесы провалилось. Ее не поняли сами постановщики и артисты, не поняла и публика. Слишком велико было несоответствие режиссерских и актерских традиций и приемов этого театра с теми новыми требованиями, которые выдвигала пьеса. И только молодому талантливому коллективу театра и его замечательным руководителям Станиславскому и Немировичу-Данченко оказалась под силу вся сложность и новизна чеховской драматургии. Они сумели чутко уловить важнейшие особенности чеховского стиля, чеховской эстетики, разгадать ее основные принципы — умение увидеть красоту обыденного, массового; увидеть незаметную красоту и силу русской жизни за повседневными разговорами, житейскими делами и заботами.

«Чайка» — это пьеса о любви, об искусстве, о подвиге.

Спокойно и радостно живет молодая девушка Нине Заречной у красивого «колдовского» озера, в тихом мире нежных чувств и мечтаний об искусстве, о сцене. Мечтает о славе писателя и Константина Трелева. Но в настоящей жизни все гораздо труднее и сложнее, чем в незрелых юношеских мечтах. Искусство казалось Нине лучезарным путем к славе, прекрасным, непрекращающимся триумфом. И какой же непосильный страшный груз упал на ее плечи, едва лишь она вступила в жизнь! Ее бросил любимый, у нее умер ребенок, ее первые робкие шаги на сцене никто не поддержал. А Тригорин, кумир ее любви и самый большой для нее авторитет в искусстве, «не верил в театр, все смеялся над моими мечтами, и мало-помалу я тоже перестала верить и пала духом... А тут заботы любви, ревность, постоянный страх за маленького... Я стала мелочной, ничтожной, играла бессмысленно...»

Много похожего вначале в судьбах Нины и Константина Трелева — муки творчества, поиски своих путей в искусстве, несчастная любовь... Сопоставление судеб главных героев идет на всем протяжении пьесы. Трелев — мятующийся, неуравновешенный, легко ранимый, тоже рвущийся к полету, но не сумевший расправить крыльев, — погибает под ударами жизни, не развив

своего дарования. А Нина, эта мечтательная хрупкая девушка, несмотря на горе и испытания, сумела выстоять, так как верила своему призванию.

Читатель и зритель пьесы вместе с Ниной проходят ее тяжелый и радостный путь, вместе с ней приходят к торжеству прекрасного человеческого подвига. В заключительном акте она говорит Трелеву:

— Теперь уж я не та... Я уже настоящая актриса, я играю с наслаждением, с восторгом, я пьянею на сцене и чувствую себя прекрасной... Чувствую, как с каждым днем растут мои душевные силы.

Так сквозь мрак и тяжесть, преодоленные героиней, звучит основной лейтмотив «Чайки» — тема полета к свету, красоты подвига, победы творческого в человеке. Не гибель, не поражение, а торжество творческой воли — такова поэтическая тема пьесы. И недаром же с тех пор на занавесе Московского Художественного театра до наших дней парит смелая гордая чайка, как символ победы и радости творчества.

Чехов был глубоко убежден в богатстве, разнообразии, талантливости множества рядовых русских людей. В своих пьесах он показал особенности русского национального характера с его сдержанной силой и красотой. Таков один из главных персонажей в следующей пьесе Чехова «Дядя Ваня» — Иван Петрович Войничский.

Тема «Дяди Вани», переделанного с ранее написанной комедии «Леший», — тема «маленького» человека, чья жизнь принесена в жертву чужому и недостойному счастью, ложной цели, идолу, кумиру, тема напрасно пропадающей красоты, уничтожаемой той злой, разрушительной силой, которая губила все прекрасное на земле.

Окончательно отделанная в 1890 году, пьеса долго пролежала под спудом, так как Чехов многим был в ней недоволен, не верил в нее.

Впервые она была напечатана в сборнике «Пьесы» в 1897 году. И после этого с успехом шла во многих провинциальных театрах России, что было совершенно неожиданно для самого Чехова.

М. Горький, увидевший пьесу в Нижнем-Новгороде, писал Антону Павловичу в ноябре 1898 года: «На днях смотрел «Дядю Ваню», смотрел и плакал, как баба, хотя я человек далеко не нервный... Для меня — это страшная вещь: Ваш «Дядя Ваня» — это совершенно новый вид драматического искусства; молот, которым вы бьете по пустым башкам дублики... В последнем акте «Вани», когда доктор после долгой паузы говорит о жаре в Африке, я задрожал от восхищения перед Вашим талантом и от страха за людей, за нашу бесцветную, ничтожную жизнь...»

Постановка ее в Малом театре не состоялась из-за придирок Театрально-литературного комитета. После Чехов передал пьесу в Московский художественный театр, где ее и начали репетировать летом 1899 года. Первое представление состоялось 26 октября того же года и продлилась она в репертуаре театра более двадцати лет.

«Три сестры» были написаны специально для МХАТа в октябре 1900 года. По письмам можно видеть, как пристально следил Чехов за подготовкой спектакля, за соблюдением многих внесенных в текст изменений.

Произведения последних лет жизни Чехова — «Три сестры», «Вишневый сад» и «Невеста» — открывали новый период в развитии чеховского творчества, период, окрашенный атмосферой надвигающейся революции (1900—1903 гг.).

Интересно воспоминание близкого друга Антона Павловича — С. Елпатьевского:

«Поднимавшаяся бурно русская жизнь подняла и понесла с собой и Чехова... Пессимистически и во всяком случае скептически настроенный Чехов стал верующим. Верующим не в то, что будет хорошая жизнь через двести лет, как это говорили персонажи его произведений, а что эта хорошая жизнь для России придвинулась вплотную».

Именно эта обстановка предреволюционного подъема была решающим настроением при работе над пьесой «Три сестры». В словах одного из героев пьесы Тузенбаха о приближающейся буре и выражаясь тогдашнее настроение Чехова, тот новый взгляд, которым он смотрел на всю действительность, на самого себя, на своих героев. Основное содержание пьесы — это мечта о прекрасном будущем, а рядом царство пошлости, мещанства, тупости, условной морали — царство Протопопова и Наташи — все то, что должно отмереть, дать дорогу новому.

Образы трех сестер Прозоровых — Ольги, Маши, Ирины — воплощение живой красоты и прелести жизни. Страстно рвущиеся к высоким идеалам, к одухотворенной смыслом жизни, они не находят применения своему душевному богатству. Герои пьесы неспособны к борьбе, действию; они лишь мечтают о лучшем будущем, которое устроится как-то само собой, без их усилий. Восхищаясь красотой сестер, нежно любя их, Чехов грустно улыбается над их беспомощностью, полной оторванностью от реальной жизни. И некому защитить сестер. Их рыцари — Вершинин и Тузенбах — сами чужды реальной жизни.

Комедия «Вишневый сад», последняя из написанных Чеховым пьес, — поэма о прошлом, настоящем и будущем Родины. Главный лирический герой этой глубоко патристической пьесы, проникнутой страстной и нежной чеховской любовью к родине, заботой о ней, — чудесный вишневый сад — символ будущего. «Вся Россия — наш сад», — говорит представитель молодых сил России студент Петя Трофимов. В финале третьего акта Аня вторит ему: «Мы насадим новый сад, роскошнее этого...»

Владельцы поместья Гаевы и Раневские — выродившиеся потомки прежней культуры, недостойные красоты будущего.

Аня в отличие от Ольги, Маши и Ирины из «Трех сестер» — уже находит свою дорогу в будущее, свою «Москву», о которой так страстно и бесплодно тосковали сестры.

«Прощай, старая жизнь», — звенит в финале юный голос Ани, голос молодой завтрашней России. Страстный призыв к будущему, проходящий через пьесу, требовал особого сценического воплощения. Обращаясь к постановщикам «Вишневого сада», Чехов писал Станиславскому: «Дайте мне необычайную для сцены даль».

Как символично и пророчески звучат для нас эти слова, сказанные писателем за 14 лет до очистительной грозы революции, принесшей людям счастье труда и творчества, о чем долгие годы тосковали герои бессмертных чеховских произведений.

Замечательные пьесы Антона Павловича Чехова, по которым учились думать, разбираться в жизни, искать из нее выход к свету целое поколение русских людей, вошли в золотой репертуарный фонд советских театров, стали известны зрителям Европы и Америки, до сих пор волнует людей своим страстным призывом к гуманности и красоте жизни, к светлой устремленности в будущее.